

---

**ФИЛОСОФИЯ**

---

УДК 101

**С.В. Смирнов***Донской государственный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

redaction-el@mail.ru

**ИНДИВИД В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:  
СТРАХ КАК ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ****[Smirnov S. An individual in Russian society:  
fear as an attitude towards social world]**

A social functioning of fear is viewed through the concept of individualized society. The individual in Russian society is notable for his optimism rooted in the customary craving for being self-reliant. Fearing is interpreted in a context of social solitude and social uncertainty. The author argues that fearing in Russian individuals is associated with compelled adaptivity and act as the way of limitation of social interactions but then carry out the demand for social alignment.

Key words: individual fears, Russian society, undersocialized fears, socialized fears, social solitude.

Рассматривая индивидуальные страхи на языке психологии, ускользает один важный момент: социальные страхи являются социальными потому, что носят не уникальный, одиночно проявляющийся характер, а являются модальными, определяют в целом господствующий тип личности в обществе. Для социальной философии важным является получение знания о страхе, как атрибуте и параметре жизни социального индивида, существенным, влияющим на самосознание индивида и на отношение к «другим» людям. Реализуя это положение, можно сказать, что индивидуальные страхи в российском обществе проявляются на уровне повседневных практик. Поэтому особенно важным является выявление того, что можно назвать индивидуальным наследством в виде коллективного и индивидуального (семейного) опыта, а также приложение к сфере повседневности понятий рефлексии, соотносимых с теоретическим уровнем сознания.

Рассматривая это положение, можно говорить, что предложенная феноменологией повседневности схема описывает трансцендентальные чувства, фундаментальные настроения, априорные чувственно-эмоциональные структуры [4]. Однако по отношению к страхам повседневные практики не являются незаметными. В большей степени культивирование беззаботности на уровне житейского оптимизма ретушируют особенность, связанную с проблематичностью существования и не согласуются с представлением о личности, как исполненном оптимизма. Указанные авторы отмечают роль трансцендентального страха в контексте торможения и табуирования активности и возможности бессмысленных поступков. Власть страха, по их мнению, разрушает обыденность, поскольку не позволяет выстраивать и сохранять постоянный порядок жизни [4].

Это важное замечание, поскольку, как отмечалось ранее, в российском обществе индивидуальные страхи ассимилированы, вытеснены в сферу отношений с государством и обществом, с объективированными социальными структурами. На уровне повседневных практик отсутствует невыносимость жизни, обнаруживается связь страха в самоограничении социальным микромиром, желанием не допускать влияния возмущающих факторов, озабоченность избыточными проблемами. Корпусулирование страха является адаптивной процедурой, и в российском обществе, где проявляется ностальгия по прошлому, не включаются механизмы тревоги. Это кажется противоречащей установкам исследователей, которые полагают, что именно на осознании прошлого построены индивидуальные страхи в российском обществе, что страх возникает из чувства тоски по, пусть не прекрасному, но стабильному и предсказуемому прошлому.

Такое суждение нельзя назвать полным, так как индивидуальные страхи в российском обществе порождаются повседневными практиками, актуалистски, и то, что можно охарактеризовать как обращенность к прошлому, в реальности представляет реконструкцию прошлого, ее восприятие в настоящем. Поэтому попытки представить российское общество зараженным сталинизмом, тоскующим по диктатуре и железному порядку, в реальности является «социально-оптической» иллюзией: в обществе на индивидуальном уровне проявляется псевдокультивирование образа вождя, так как в рамках реализуемых адаптивных стратегий поведения и отношения к приватной сфере как сфере завоеванной свободы, трудно ожидать от большинства россиян одобрения возврата в «чудесное» прошлое.

В большей степени это напоминает протест, индивидуальную реакцию на ситуацию социального беспорядка, на отклонение от социальных ожиданий, связанных с сильным государством и практиками социального опекуна. Россияне в этом смысле не являются фроммовскими персонажами, бегущими от свободы, и теми, кто готов вручить свою судьбу в руки вождя. На уровне индивидуальных страхов проявляется псевдоностальгия, когда индивидуальные страхи оправдываются разрушающим влиянием социальной среды и не исключают личную ответственность и озабоченность индивидов. Другими словами, индивидуальные страхи характеризуются выделением абстрактно общих, внешних, доминированием связей личной вещной зависимости между индивидами, что снижает уровень принятия социализированных, содержащих элементы самоуважения и почтительности, страхов и в той же степени наделяет самостоятельностью ограниченные коммуникативные практики. В силу того, что межличностное взаимодействие ранжируется в зависимости от прагматического интереса, страхи продуцируются в виде формулы потери, утраты жизненных целей и, главное, ощущения социальной неудачливости, выпадения из круга знакомых как обычных людей.

Для понимания природы личностных, индивидуальных страхов в российском обществе важным представляется положение В.Г. Федотовой о том, что в российском обществе разрушен коллективизм, но ему на смену пришел не автономный индивид, а массовый, с примордиальной идентичностью. Не решаются проблемы научно-технологической политики, конкурентоспособности, депопуляции и угрозы территориального распада, русского сепаратизма при реализации плана укрупнения территории. Вместе с тем, доминируют апатия, стабилизационный тип порядка, как и анархия, найденный не в проектной деятельности властей, а в некоторой игре исторических последствий российской истории как с властью, так и с народом. Для понимания этого нужна не упрощенная идеология, а серьезный научный анализ [8]. Иными словами, индивидуальные страхи проецируют состояние неопределенности, мятежности существования и то, что можно назвать основанием страхов как формально-рациональный порядок, является социально бедным. В этом случае не возникает дилемма «жить или не жить», но реальностью является ориентация индивидов в российском обществе на отстранение от эффекта социального сопереживания, социального соучастия и ограничение

своего социального микромира, как отмечалось ранее, общением в кругу близких или имитации деятельности в Интернет-сфере.

С другой стороны, индивидуальные страхи имеют позитивное значение, так как сигнализируют о патологии в общественном организме в той же степени, как показывают ухудшение социального самочувствия индивидов. Именно обнаружение сверхчувственного бытия страхов содержит стимул к его анализу. В силу того, что источники индивидных страхов во многом не даны непосредственно в социальном восприятии, маскируются в качестве индивидуального социального опыта или страдают односторонностью обыденного сознания. Вместе с тем, анализируя индивидуальные страхи в российском обществе, можно говорить о страхах несоциализированных, недосоциализированных и социализированных. Несоциализированные страхи проявляются в социальных инстинктах, которые имеют генетические основания в индивидуальной жизни в том, что можно охарактеризовать как социобиография индивида, и могут квалифицироваться как инвариантные, независимые от внешних социальных воздействий и актуальных обстоятельств жизни индивида. Часто под этими страхами понимаются страхи, унаследованные от прошлого, страхи, актуализируемые социальным бессознательным, боязни репрессий и преследований.

Но говоря о несоциализированных страхах, необходимо указать, что описываемые боязни не могут ограничиваться для простоты непреодоленностью исторического прошлого, спонтанным сталинизмом или авторитаризмом. Необходимо отделить реализацию страхов в межличностных контактах и взаимодействиях, в которых участвуют отдельные конкретные личности, от проявления страхов между теми, кто является абстрактными носителями социальных статусов. Несоциализированные страхи во многом являются результатом личного влияния, их тиражированием личности, которое представляется наиболее модальными, авторитетными в кругу общения.

В условиях, когда наблюдается упадок общественных авторитетов, авторитетов в сфере науки, культуры, политики, личный авторитет становится референтом социальной самооценки. Страх может преобладать, если присутствует также боязнь применения силы, чем объясняется феномен бытового страха, страха перед преступником, страха, как субъективации действий. В этих примерах можно видеть, что несоциализированный страх хотя и базиру-

ется на основе латентных криптомеханизмов, влияние оказывает массовый индивидуализм. Это подтверждается тем, что Интернет-сфера, позиции и мнения ее участников формируют страх в большей степени, чем типичные конфигурации личных обстоятельств.

Характерно, что решающую роль в несоциализированных страхах играет несовершенство социального самоконтроля. Более того, несоциализированный страх можно представить как последствие маргинального поля свободы и независимости [9]. Если индивид социально маргинализован, отчужден в такой степени от остальных, что его круг общения девиантен, то им выстраивается параллельная социальная карьера, в которой недосоциализированные страхи, в равной степени как и мотивированная агрессия, являются спусковыми механизмами социального действия. Несосоциализированные страхи могут рассматриваться и как инновационные, стимулирующие значение недосоциализированных страхов. Это положение можно конкретизировать таким образом, что в российском обществе индивид является пространством противоречия между установками культуры, которые негативно изменяются с деградацией культурной среды, а также социальных рефлексов и инстинктов.

Очевидно, что недосоциализированные страхи наиболее показательны для определения страхов в российском обществе, так как точно передают и социальное состояние массового индивида, и показывают распределение страхов. Характерно, что в российском обществе на индивидуальном уровне, например, страх прослыть грубияном, невеждой, неучем или циником не является преобладающим, что показывает потерю почтительности и уважения как признаков социализированного страха. С другой стороны, приоритетным становится страх прослыть неудачником, что означало бы социальное одиночество, резкое сокращение социальных контактов, маргинализацию социального статуса и скольжение к социальному дну.

Иными словами, в наступлении ситуации неудачливости, индивид теряет привлекательность для других, основанную на функциональных отношениях, и, в конечном счете, испытывает потерю самоуважения к себе, что компенсирует различными формами наркотизации: физической (наркотики, алкоголь, неконтролируемые социальные контакты) или духовной (пробывание в иллюзорном мире Интернета, ненависть, возможность совершения криминальных действий против личности). Вместе с тем, важно подчерк-

нуть, что может и произойти перевод в иную социальную среду, примыкание к социально люмпенизированным группам, образующим общности бомжей, алкоголиков, наркоманов.

Интересно в связи с этим, что 70% так называемых бомжей имеют родственников, они не являются одиночками. Но для них наступил период социальной смерти, поскольку связи с окружающим миром полностью атрофированы. Что характерно, об этом свидетельствуют примеры русской классической литературы: даже при открывшихся шансах социальной реабилитации редко кто порывает со ставшей для них привычной социальной средой. Можно говорить, что эти люди преодолели страх недосоциализированности, но их нельзя безоговорочно признать свободными, подобно рассуждениям героев пьесы А.М. Горького «На дне». В такой ситуации утрачивается цельность личности, а «внутренняя» гармония достигается за счет отклонения форм социализации на обыденном уровне (отказ от соблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм).

Опираясь на проведенную классификацию несоциализированного и недосоциализированного страхов, можно говорить, что формируется микрокультура страха, в основе которой лежит опривычивание страха как нормы жизни, и в силу этого обстоятельства, его невыделенности, неконцептуализированности, непринятия в обычном сознании. Страх в такой ситуации блокирует альтернативные образцы или правила, инициирует ситуацию бездействия или апатии. С другой стороны, выступает формой виртуальной идентификации, становится источником инноваций в локальной среде, т. е. изменений, которые мотивируются эндогенно.

Недосоциализированные страхи в качестве формы адаптации к миру, порождают использование системы для самого себя. Хищение материальных ресурсов на государственных предприятиях, использование рабочего времени и инструмента для дополнительных приработков рассматривалось советскими людьми как допустимое, как то, что не наносит существенный вред государству и не характеризуется отступлением от норм социалистического общежития. Такой компромисс был связан с эффектом самооправдания и со страхом переступить порог дозволенного.

Как пишет Н. Козлова, для советского человека жизнь внизу в любой социальной иерархии позволяла реконструировать идеальный тип такого рода дей-

ствий [7]. Вместе с тем, конкретные недосоциализированные страхи порождали сверхактивизм, который простирался от гипертрофированного лоялизма в системе к практике доносивших, процветавших на уровне коммунального общежития. Не случайно, в 1937–1938 гг. центрами доносившей активности советских граждан стал Санкт-Петербург с его многочисленными коммуналками. Можно говорить, что недосоциализированные страхи в нынешних условиях проявляются в анархическом нейтралитете, создании формулы «жить для себя» при формальном согласии с социальным порядком. Речь идет о том, как пишет Ф.Г. Федотова, что стремление ограничить государство и держать его как можно дальше от себя привело к тому, что личная жизнь подлежала упорядоченности и организованности, не устраняя социальный хаос [1]. Иными словами, социальный порядок имеет центрально-регулятивное значение без особого интереса к многообразию флуктуаций, существующих в обществе [1].

Это влияет на недосоциализированный страх в качестве обязательности дистанцирования от государства, а, с другой стороны, позволяет сделать свою жизнь более предсказуемой и самоконтролируемой. Совокупным эффектом такого отношения является то, что, хотя в российском обществе и осознается актуальность социальных проблем, существует мнение, что каждая попытка упорядочить какую-то часть человеческого мира и сферы деятельности создает новые проблемы, даже если она и разрешает старые [2]. Отмечая этот факт, можно говорить, что имеется понимание особенного общего в природе хаоса, формы индивидов бытия образуют ядерную структуру воспроизводства страха как осваивающего, но не преобразующего социальную действительность и не ведущего к изменению социальных форм на основе трансформации собственных сил, умений и знаний [6]. Недосоциализированные страхи связаны с тем, что российское общество перестало быть традиционным, в нем исчезло уважение и почтительность, также как и ослаб страх перед принуждающей силой государства. Трудно ожидать, что вступившие в социально активную жизнь постсоветские поколения могут вернуться к формуле гипертрофированной лояльности, как следствия боязни перед системой и умения реконструировать свою жизнь в рамках использования системы для себя.

Очевидно, что в сложившейся ситуации преобладает умеренный анархизм, сочетающий страх перед вторжением государства в сферу неправовой жизни и страх оказаться социальным неудачником. Исходя из этого обстоятельства,

можно говорить, что недосоциализированные страхи способствуют ощущению катастрофизма, связанного не столько с природными явлениями или порождаемыми внешними враждебными силами. Наиболее высок индекс страхов, связанный с социально-экономическими потрясениями длительного действия [5]. Характерно, что еще в 1999 г. ранжирование пятерки страхов по уровню безосновательности состояло в следующем: 1 – захват земли инопланетянами; 2 – конец света; 3 – гибель землян в результате космической катастрофы; 4 – нашествие ислама; 5 – сионизм и еврейские заговоры [5, с. 126]. В таком контексте проявляется противоречивость индивидуальных страхов. С одной стороны, очевидна их рационализация. Вопреки расхожим штампам об исламофобии или антисемитизме в российском обществе, которые усиленно вводились и вводятся в публичный дискурс, эти страхи не являются существенными. Россияне безразличны и к социальным антиутопиям. В то же время возникает тенденция иррационализации страхов, обеспокоенность своим будущим и будущим детей, что приводит к гипертрофированному страху потерять работу или здоровье. В этой ситуации индивид возлагает ответственность на внешние обстоятельства, но слабо использует имеющиеся возможности исправления ситуации в условиях нежелания покинуть освоенное социальное пространство, войти в полужнакомый или незнакомый мир, порвать устоявшиеся связи на социальном микроуровне, что делает страх потерять работу и здоровье одними из основных в ранжировании индивидуальных страхов россиян.

Такие страхи связаны как с недоверием к состоянию российской медицины и системы трудоустройства, ощущением чувства социальной незащищенности, так и с проекцией недосоциализированности, которая выражается в том, что индивид слабо осваивает формы самомобилизации и самоконтроля, предпочитает доступные и легкие способы улучшения жизненной ситуации, а при их недостижимости впадает в апатию и отчаяние. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что недосоциализированные страхи являются следствием отсутствия механизмов социализации в межличностной среде. В российском обществе слабо развиты системы соседской и территориальной взаимопомощи, а обращение к кредитным практикам в условиях социально-экономического кризиса и ужесточения кредитной политики банков при отстранении государства приводят человека в состояние перманентного кризиса и углубления личностных проблем.



Рост кредитной задолженности россиян является не только индикатором социально-экономического неблагополучия и некредитоспособности населения, это показатель мнимого преодоления страхов, потому что россиянам кажется, что родное государство их как-то спасет, или кредитные структуры проявят милосердие к личным жизненным обстоятельствам. Хотя россияне и усвоили потребительскую идеологию как элемент жизни в рыночном обществе, у них слабо выработаны механизмы рыночного рационализма, измерения собственных возможностей и желаний, а также понимание того, что рынок может обеспечить человеку все при единственном условии, что он платеже- и кредитоспособен. Между тем, в обществе начинает нарастать и реальный страх по потере здоровья, так как здоровье начинает восприниматься как ресурс личного благополучия и стабильности, а система коммерциализации медицинских услуг приводит к осознанию того, что здоровье является личным делом. Не думается, что обучение рыночным ценностям приведет к исчезновению недосоциализированных страхов, в силу того, что индивид в российском обществе конструирует свою жизнь, основываясь на имеющемся когнитивном аппарате.

Знание, которое обретается в этом процессе, интернализируется в рамках индивидуального сознания [3]. Это выражается в том, что мир объективируется при помощи имеющегося языка, т.е. в нем заложен эффект недосоциализированности, ранжирования страхов в той последовательности, в которой они представляются по своей субъективной значимости, воспринимаются из степени непосредственного влияния на жизнь конкретного человека. Анархическая модель удобна тем, что делает государство параллельной и малозаметной в жизни индивида силой. Социализированные страхи на индивидуальном уровне в российском обществе характеризуются как страхи неопределенности, как то, что может вызвать, в отличие от предшествующих времен, влияние неведомого. Страхи средневековья были связаны с ожиданием страшного суда. В советский период во времена сталинского террора процветало массовое доносительство. Его основой тоже был страх [5]. Актуальный социализированный страх вызван отчасти тем, что еще писатели и философы начала прошлого века называли потерей уважительности, деградацией крестьянского традиционного образа жизни и деформированной модернизацией, которая выражалась в том, что личность обретала осознание автономности от власти, церкви, монархии, но не обретала чувство гражданской ответственности, осознание собственных обязательств.

По отношению к современному социально-культурному и социально-бытовому контекстам можно говорить, что российское общество детрадиционализировано, хотя в то же время сохраняется традиционный образ жизни этноконфессиональных групп. В индивидуальных настроениях сохраняется чувство нереализованных обязательств со стороны государства и перекладывание механизма ответственности на государство. Это определяет отношение к страху как страху потерять последний авторитет. В этой связи государство, с одной стороны, – идеализируется в восприятии, с другой, – вызывает наибольшее отвержение и дистанцированность по поводу оценки деятельности представителей власти. Россияне испытывают эффект раздражения и страха перед черствостью, грубостью, бюрократизмом и равнодушием представителей государственных структур и чаще всего уверены в том, что представители власти работают исключительно для себя и руководствуются собственными или корпоративными интересами. В то же время социализированный страх связан с недосоциализированными страхами социального одиночества. На уровне обыденного сознания здравый рассудок во временном цейтноте повседневной ситуации полагается на чувство, на степень субъективного переживания, на доказательства авторитета и на поспешные аналогии [4]. Социализированные страхи являются индикатором легитимированности набора возможностей здравого рассудка, но создают заблуждения относительно социальной самооценки.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапьева И.А.* На перепутье (Новые вехи) Сборник статей. М., 1999.
2. *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
4. *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., 2004.
5. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. М., 1999.
6. *Кемеров В.Е.* Введение в социальную философию. М., 2001.
7. *Козлова Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
8. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.
9. *Штомпка П.* Социология. М., 2005.

## REFERENCES

1. *Agapeva I.* At the crossroads (New milestones) Selection of articles. M., 1999.
2. *Bauman Z.* Think sociologically. M., 1996.
3. *Berger P., Lukman T.* Social Construction of Reality. M., 1995.
4. *Kasavin I., Schavelev S.* Analysis of everyday life. M., 2004.
5. Catastrophic consciousness in the modern world in the late twentieth century. M., 1999.
6. *Kemerov V.* Introduction to social philosophy. M., 2001.
7. *Kozlova N.* Soviet people. Scenes from the history. M., 2005.
8. *Fedotova V.* Good Society. Moscow, 2005.
9. *Shtompka P.* Sociology. M., 2005.

*21 ноября 2016 г.*

---